

КАРИНА
ИНОЗЕМЦЕВА

ИСТИННАЯ
ИЗ ПРОШЛОГО

Карина Иноземцева

Истинная из прошлого

<https://litres.ru/74345812>

Аннотация

Дракон не поверил Истинной. Предал и дал волю врагам. Враги убили единственную пару Императора драконов и тот обезумел. Спустя тысячу лет заточенный, обезумевший дракон просыпается, чтобы исправить свои грехи, ведь по земле Вновь ходит Его Истинная. Чувства должны помочь пробудить в ней любовь, но Она... Проклятая, бездушная колдунья, которая не хочет знать ни о какой истинности.

Содержание

1	4
2	12
3	21
4	30
5	38
6	47
7	56
8	64
9	71
10	81
11	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

1

Небольшой городок магов на границе с Дарией, был взволнован. Недавние события не давали людям успокоиться. Что-то немыслимое творилось в рядах драконов. Глава Гнезда проснулся и звери, повинувшись зову сильнейшего, резко заинтересовались землями Пархана.

В людских умах появились мысли о новой войне. Верующие оккупировали храмы. Ведь когда не знаешь, что твориться в головах у сильных мира сего, ожидаешь наиболее ужасного исхода.

Вспоминали даже про старые развалины соборов и церквей, которые давно обросли сказками. Но больше всех удостоились внимания развалины дома Матери.

Была легенда, что когда в Храм приходит человек с темным сердцем, с постамента богини спускается неясная тень. Ночью или при плохом освящении виден белесый силуэт, а днем можно заметить лишь ее деяния.

Она появилась после войны с ар'ханами, поэтому тень стали называть Матерью, оплакивающей своих детей.

Людей пугала загадочная фигура с грустными глазами. Поэтому храм разрушили. Долго место не пустовало. На этой земле построили дом Воздержания, где жили куртизанки и мелкие деятели теневой профессии. Но вскоре, здание сгорело. Поговаривали, что видели там сердитое приведение

Матери. После еще двух пожаров, в этом квартале перестали строить какие-либо дома.

Маги плохо разбирались в мире тонкой материи. Призраков, духов и тому подобную атрибутику они называли пустой тратой времени. Обучаясь в академии законам энергии, они не брали в расчет что-то выходящее за эти рамки. Но даже после случайных пожаров, где была замечена тень, трогать мистическое место перестали и даже установили памятный столб для будущих поколений. Табличка гласила: “ Ты - ворвавшийся в мой чертог, лишь пепел от тебя оставляю!”

— Брр, ну и холодрыга, — закутавшись в тонкую шаль, сидит девица.

Алтарь сияет, дарит свет и тепло, зовет незваную гостью в дом, но я сижу и старательно отвожу свой взор. Артефакт настойчиво излучает свое сияние, намекая на то, что не прочь показаться заблудшей душе, но я "глуха". Живой огонь дернулся в мою сторону, повинувшись духам места и обжигая руки.

— Люди умеют лишь предавать и ненавидеть, — пытаюсь обосновать свое решение, оставить деву за Гранью. — Завтра же эта невинная, льющая крокодиловые слезы, побежит к градоправителю и к нам вновь священника пришлю. Что делать будем? Опять опаивать и в лес пускать, к лешему?

Алтарь сиял, огонь танцевал, а свод моего дома переливался мерцанием дальних звезд. Тишина была мне ответом.

— Пчи, пчи, пчи, — послышался девичий чих за гранью.

— Она мне под порог заразу принесла, — недовольно про-

бурчала, как старуха и подошла к самому краю полога.

Покрытие дрожало, будто волновалось, как занавесь под дуновением ветерка. Чувствовало заклятие, что скоро трону его плетение и хоть на мгновение, но разрушу. Дева в тени ночи, укладывалась на сырую землю - спать. Тоненькое тело прикрыто лишь мешковатой робой. Тощие кисти выглядывают из-под пледа. Сваленные в колтун темные волосы, больше похожи на гнездо ворона.

Жалко ли мне ее? Наверное, да. Мои эмоции - это свет алтаря и живой огонь, тело носит лишь холодный разум и недоверие.

— Непутевая, чего разлеглась? — показалась из тени своего очага, чем спугнула путешественницу.

Понимаю ее ужас. Она нашла чистое, спокойное местечко, а тут я из ниоткуда явилась.

— Ноч-чъ, а я... Ноч-члег, — застучали зубы гостыи, то ли от страха передо мной, толи от холода.

— Пойдешь ко мне? — я знала, что девица согласится.

Ей будет все равно, что странная женщина вышла из тени и зовет за собой. Она не обратит внимания на гробовую тишину вокруг, не заметит блеска моего тела, не захочет заострять внимание на моем наряде.

"Что опасного в обычной блондинке с голубыми глазами? У нее за спиной крылья? Нет, это плед, украшенный множеством голубых перьев. В ее ушах блестят серьги в виде спящего вниз головой дракона? Честь и хвала мастеру драгоцен-

ностей, раз создал такую красоту", — ее мысли раскрылись передо мной, как карта неба.

— Спас-сибо, — пролепетала беспризорница и протянула мне руку.

Трогать немытую конечность не стала. Кивнула девице, чтобы в дом заходила и вновь накинула полог невидимости на свою обитель. Девица опасливо шагнула и тут же оказалась посередине огромной комнаты, где весело танцевал огонь, в дальнем углу стояла кровать, а на столе встречали яства всевозможные.

Расстарались духи. Нечасто живых привечаем. Забыли прислужники, какого это горячую душу человека ощущать. Все сделают лукавые, чтобы искрами эмоций девицы насытиться. Попотчуют, порадуют, развеселят, во сне выпьют ее тепло, подарив кошмар и холод. Придется оберег в кровать молодке подсунуть, чтобы бесы треклятые, красу не тронули.

— Показушник, — тихо бросила невидимому алтарю. — Заходи дорогая, гостьей будешь, — вслух произнесла и усмехнулась. — Коли имя свое назовешь, подругой мне станешь.

— Нора, — произнесла немытая.

— Нора, — повторила ее имя и скривилась.

Лживой горечью слово отдает, холодом пустым по щеке мажет. Будто не ее имя, не родителями данное, на языке держу.

— Нора говоришь? А почему по улице ходишь? Молодая, сильная и красивая. В деревне любому бы приглянулась.

От девицы брезгливостью пахнуло. Не по нраву ей деревенские мужики. Городского, высокородного дракона на уме держит. Мечь в ее головушке зреет. Дерзкий план сердце вынашивает.

— Оклеветала меня одна змеюка. В руки законников отдала, — девушка сметает со стола все яства и водичкой родниковой запивает.

Живой огонь от ее лицемерия в очаге скрылся, сумрак на комнату упал, духов-приспешников моих явил. Тени под моими ногами скрылись, поджидают часа своего. Хотят знать решение разума, прежде чем за эмоциями следовать.

— А ты сама, кем себя считаешь?

Сидя в любимом кресле, наблюдаю за человеком и перебираю перья на своем плаще. Синенькие сияют в отблеске огня, черные, наоборот, мрак напускают. Я готовлюсь выносить приговор.

— Меня всю жизнь несправедливо осуждают и обвиняют. Я ничего дурного не делала и не хотела! У меня все отнимают!

Ложь. Ложь. На ее руках запах крови невинных. В глазах алчность и порок. Отрываю черное перышко и дую на него.

— Девица, это перо желаний. Представь человека и пожелай ему, то что у тебя на сердце. Исполнится и доброе, и худое. А теперь, ложись спать.

Указала ей на лежанку, расстеленную прислужниками на полу. Передумали духи ее на кровать укладывать, как гостью, решили не беспокоиться об уюте. Правильно делают, нечего перед убийцей на задних лапках плясать. Уж лучше, я сделаю свое маленькое дело, отдам ее душу богам смерти.

Во сне люди беззащитны. Ночь — царство тех, кому я служу, чтобы заслужить перерождение. Именно в это время я сильнее всех. Ни один амулет не остановит мое ремесло, ни один маг не ощутит присутствие чар, ни один академик не заподозрит во мне скрытые силы.

В то же самое время я имею власть над душами, поэтому ощущаю правдивость слов и чистоту помыслов.

— Девица, ты спишь? — называть ее по имени не буду. Ее душа не отзовется на кличку.

Живой огонь в камине встрепелся. Знает алый, что я собираюсь делать. Алтарь слабо засиял под светом звезд. Нахмурилась, ощутив, что мое черное перо дева уже использовала. Загадала некой Оливии самую гнусную и ужасную смерть от любимого человека. Но... Мое черное перо следует закону справедливости: что ты пожелаешь чужому, то к тебе и вернется. Но сейчас не об этом.

Духи голодны. Пора их потчевать. А иначе, без толку подавались блюда этой чумазой деве.

— Назови свое истинное имя, — приказала сонному сознанию.

— Коко, — прошептали губы.

— Коко, — попробовала имя на вкус.

Запах весны - время ее рождения. Шум многодетной семьи и частые побои, но девочка одаренная, карабкается к лучшей жизни. А потом... Обрыв, который не оставил женщину равнодушной. Сломал, вывел из равновесия, перетянул на сторону тьмы. Богам смерти эта Коко часто приносила дары. Вымаливала у них свое счастье. Забыла, что древних богов запрещено упоминать. Совершала тайные обряды и доставала яды, для новых жертв.

Прислужники насытились живой энергией, а я не захотела держать в своих чертогах отравительницу, убийцу и мучительницу. Махнула рукой, и тело женщины оказалось на улице, скованное сонным параличом. Ничего, солнышко встанет, и мои чары спадут. Встанет Коко и пойдет по своим делам. Смерть ее настигнет та, которую пожелала другой. Надеюсь, ее душа сможет уйти на перерождение, а не застрянет так же, как моя, в этом мире.

— Госпожа Иола, — тень одного из прислужников слишком явно проявилась. — В городе вас ждут.

— Это будет считаться искуплением? — взяла в руки книгу про древние легенды.

— Да, если разберетесь с делом, — тень, как всегда, пропала, стоило ей передать повеление моей "работодательницы".

— Ну что ж, с добрый утром Империя Дария, — посмотрела на потолок, в котором отражаются лучи рассвета и тро-

нула свой плед с птичьими перьями. — Надо выполнить свою работу.

Солнце давно встало над постаментом, обливая своим светом дорогу во все стороны. Мой путь лежит к одному из лучших домов терпимости. Там работают и живут девушки красавицы, за ночь с которыми мужчины отдают целые дома.

"Жизнь за один поцелуй", — так говорят про красоту и умения этих леди.

— Старушка Иола, — женщина средних лет встретила меня у самого въезда в город. — Поехали, надо торопиться, — затащила она меня в повозку и приказала кучеру гнать во всю прыть. — Мне кажется, или ты с каждой встречей становишься все старше?

Управляющая не знает, что мой внешний облик меняется в зависимости от того, насколько далеко я нахожусь от постамента. Под куполом невидимости горит живой огонь. Именно он поддерживает во мне силу и молодость тела.

— Меньше языком трепи, дитя, — хмыкнула, игнорируя явное оскорбление. — Вещай, зачем звала служительницу старых богов?

Алет скривилась, но тут же взяла себя в руки. Она знает, что мое появление спасет ее от очередных пересуд и сплетен. Ведь в наше время вера в богов и духов звучит и выглядит абсурдно. А если уж где и примерещится чертовщина, то все, кто видел, считаются психически больными или про-

клятыми. Поэтому в делах, где замешан призрак, зовут меня — жрицу, богиню семи звезд.

Кому как удобно, так и называют.

С Алет мы знакомы давно, ведь жены постоянно хотят отвлечь супругов от дверей любовницы, с помощью нечистых сил и слухов. Напрасно женщины стараются. Кому надо налево сходить, тот и рядом с чертом штаны снимет.

— По ночам слышно бормотание, иногда завывание, детский плач или замогильное пение, — выложила управляющая и посмотрела на меня. — Есть какие-либо догадки?

— Где слышно?

— На четвертом этаже.

— Там живет элита. Куртизанки высшего сорта. Красавицы, продающие свое общество, а не тело.

— Все то ты знаешь, старая, — Алет вовремя махнула рукой, будто знала, что повозка скоро остановится. — "За чай с цветущими бутонам, готов расстаться с телом" писал современник о моем доме. Поэтому никаких потусторонних сил здесь быть не должно.

— Поняла, поняла. Не гуди над ухом, дорогая, — спрыгнула со ступеньки и засеменила за хитрой лисой.

Старческое тело не предназначено для быстрого передвижения и отнимает много сил. Того и гляди на одной из многочисленных ступенек споткнусь и полечу вниз головой.

Мне надо отвлечься.

— Как давно появился плач? — мой расспрос начался на

втором этаже.

Здесь проживают не такие дорогие проститутки, поэтому свои нерадостные будни они привыкли украшать сплетнями. Многие слухи, легенды и пересуды можно узнать именно у таких невзрачных и одиноких женщин. Надо бы как-нибудь к ним на чай заскочить и принести редкие в этих краях лакомства.

— Это проклятье, — затараторили дамы на разных голосах. — У жены клиента умер ребенок. Наша золотая Аврелия была проклята умалишенной и два месяца не могла из комнаты выйти, а когда излечилась, то рядом с ней появился плач!

Красивые девочки окружали меня и с радостью делились слухами. Алет не мешала собирать данные и исчезла, оставив меня расследовать это дело. Надо воспользоваться полной свободой действий и насладиться видами великолепной обстановки.

Пока я пошаркала до четвертого этажа, успела послушать разных слухов, но сейчас мне нужно было лишь одно.

— Как помню, на четвертом этаже проживает всего три куртизанки со своими прислужницами?

— Да, они у нас не меняются, — ответила провожатая. — Спят с клиентами редко, чаще поют и развлекают стихами, разговорами. В прошлом месяце Аврелия ни с одним в кровать не легла, а в этом, мужчина ушел, как только услышал детский плач.

— Хорошо, спасибо, дорогая, — улыбнулась девушке.

Первый вывод напрашивается сам собой: Аврелия родила и прячет дитя. Но зачем ей это?

Насколько мне известно, все девочки, работающие у Алет, принимают противозачаточные средства. Если случается оплошность, то куртизанку снимают с работы и после родов отдают в услужение более удачливым товаркам. Иногда изгоняют на улицу. Детей стараются отдать в дом отца. Если не получается, то мальчиков, после отлучения от груди отправляют в храм, а девочку растят в качестве работницы дома Терпимости.

— Я вхожу, — не предупреждая, проникла в комнату к Аврелии.

Красавица сидела возле зеркала и тщательно наводила макияж. Комната заполнена ароматом душистой воды и цветов. Элегантные и дорогие вещи услаждают взор входящего.

Красивая клетка подчеркивает значимость обитательницы.

— Это вы, бабуля Иола, — нежно улыбнулась девушка.

Сразу становится понятно, за что она носит один из самых высоких статусов в этом месте. Теплый взгляд лавандовых глаз излучает доброту. Нежные черты лица, делают образ невинным. Фарфоровую кожу... Омрачают синяки под глазами.

— Аврелия, — имя на язык не ложится.

Оно и понятно, в этом месте все имена ненастоящие, сче-

нические. Большинство называются так, как хотят. У высших проституток, есть традиция принятия имени от первого клиента.

— Говорят, ты проклята, девочка, — подошла к кровати, прошаркала к окну и заметила тихо стоящую служанку.

— Бабуля, наши жизни уже давно прокляты. — голосок, как струна дрогнул, разнес слова и тут же умолк. Появилось желание еще раз тронуть инструмент, чтобы услышать завораживающее пение.

— Как давно родила? Почему ребенка не отдаешь? — мой вопрос был задан не для обличения виновной, а чтобы оценить реакцию на лицах юных девушек.

Аврелия удивленно приоткрыла рот, но быстро вспомнила о манерах и показала мне свою фирменную добродушную улыбку.

— Я не знаю о чем вы, — сладкие уста куртизанки. Зато я теперь знаю в чем проблема.

— Как тебя зовут? — служанка побледнела и приготовилась упасть в обморок. Придержала нерадивую.

— Виви, — одернула прислугу куртизанка.

Девушка пришла в себя и тут же отвела взгляд прочь от своей госпожи. Ей было совестно признаваться, что из-за ее оплошности мои слова подтвердились.

— Почему дитя отцу не отдали? — я говорила ровно, безэмоционально и максимально сдержанно.

Я не их мать, и даже не сестра, чтобы обличать их в ха-

латности к ребенку. Этим девицам трудно за собой уследить, что говорить о малыше.

— Его семье не нужна дочь. Максимум, что ждет мою малышку - это место прислуги подле отца. Я хочу найти для нее достойное и спокойное место. — красивая женщина наблюдает за мной.

— Поэтому ребенок все еще находится здесь, — сделала вывод. Мой взгляд упал на широкую кровать. — Когда приходил мужчина, он залез на ложе и разбудил малышку. Но... Чтобы дитя спало и не мешало вы его опаиваете чем-то.

Эх, старо мое тело, чтобы под кровати залезать, но именно там я нашла корзину и плотно укутанную в богатый отрез ткани малышку.

— Разбавленным вином, — Аврелия взяла малышку на руки.

— Беду принесешь своими действиями, — предупреждаю и строго смотрю в глаза девице.

Выглядит красавица высокомерно, но сейчас она больше похожа на мать. Куртизанкам нельзя любить, нельзя рожать и нельзя покидать пределы своего дома. На улице их считают обычными проститутками и не ведают о рангах и цене. У девушек нет своего угла и им приходится оплачивать комнаты в борделе, чтобы и работать, и жить.

— Не хочу своей девочке судьбу куртизанки, — тихо шепнула молоденькая мама. — Но и вечно битой в доме отца она ходить не будет.

— Есть много семей, которые мечтают о ребенке, — начала свое дело, о котором меня просили боги смерти.

— Июла, ты знаешь этих людей? — встрепенулась престлестница. Лавандовый взгляд впился в мое лицо, покрытое морщинами. — Сможешь пристроить?

— Я ничего просто так не делаю, — тронув нежную щечку малытки, закончила: — У всего есть плата. Жизнь за жизнь - равноценный обмен.

Чувствую, что Аврелия не врет о семье отца ребенка. Неблагополучно у него и с работой. Того и гляди обанкротится, в долги залезет. Ему ни к чему знать о пополнении.

— Виви, сходи за теплой водой, — девица отослала свою служанку, а сама встала передо мной на колени. — Найди место для малытки, где бить не будут, вдоволь еды дадут, чтобы здоровенькая выросла.

Сейчас передо мной не прекрасный цветок из дома утех, а мать, которая знает о расставании с ребенком, но в то же самое время хочет оставить все как было.

— Я пристрою малытку в дом, где к ней будут относиться, как к родной, вырастят принцессой и дадут образование мага.

Девушка подняла лавандовые глаза. По нежным щекам текли слезы. Ей страшно отдавать кровиночку в чужие руки. Есть вероятность того, что она больше никогда не увидит дитя. Но такова судьба у здешних красоток. Девушки лишь цветы, которые прекрасны в саду. Стоит бутону выпасть из

палисадника и его посчитают сорняком.

— Жизнь за жизнь, — напомнила девушке и забрала малышка из ее рук. — Дочери около двух месяцев? Совсем кроха. А ты ее вином... Нельзя так издеваться над неокрепшим телом.

— Если бы нашли, то... — замолчала.

Растворилась в предположениях и догадках.

Тронула брошь в виде искры на своем теле. Впитала в себя тепло живого огня и тут же перед красавицей предстала девой молодой. Аврелия шумно вдохнула, заметив волосы цвета солнца, глаза, смотрящие в небо и светлую кожу.

Не для хвастовства или потехи, обернулась в молодуху. Мне нужны были мои перья. Аккуратно вытащила из плаща синее перо и отдала его девице.

— Теперь твоя жизнь в моих руках. Чем лучше служишь, тем прекраснее условия для девочки создашь, — говорю и понимаю, что голосом зачаровываю. Сила в слова прорывается, и эффект гипноза накладывает. — Деньги мне не нужны. Услугами отплатишь за каждый счастливый день малышки.

— Хорошо.

Делать мне здесь больше нечего. Надо возвращать под пол. Но перед этим позабочусь о малышке.

Брошь вернулась на место, и мое тело стало стремительно стареть. Не дождавшись полного перевоплощения, смело шагнула в коридор. У девицы в комнате аромат слишком

сладкий. Не по нраву мне резкие запахи.

Вылетела из царства красоты и едва не сбила с ног стоящего мужчину.

Холодно. Больно.

Его взгляд прикован ко мне, но что интересного в старухе? Я не могу оторваться, разглядывая мужские черты лица. Что-то знакомое, узнаваемое есть в этом незнакомце.

— У вас и старушки есть? — облил меня призрением мужчина. — Не встречал еще таких извращенцев.

Аврелия - куртизанка

— У вас и старушки есть? — облил меня презрением мужчина. — Не встречал еще таких извращенцев.

Отчего-то в холодном теле появилась волна, которая требовала излиться. У меня не было сил терпеть "шпильки" странного гостя.

— Если вы не бедны, то вам предоставят лучший сервис. Если богаты - искусную куртизанку. Чтобы получить мой взгляд - вам придется отдать жизнь.

Холодный взгляд пристально осмотрел мое лицо. Что-то мелькнуло в глазах напротив, но тут же исчезло. Мужчина потерял ко мне интерес и вернулся к Алет.

Взгляд незнакомца был мрачным, тяжелым. Казалось, что он не видит мира вокруг себя. Все, что происходит - не его дело. Он ведет себя нагло и высокомерно, опрашивая Алет. Но при этом он не дерзит и не напирает своим высоким положением.

Очень странный гость. Почему он привлек мое внимание? На мужчин я уже несколько столетий не смотрю. Вижу лишь оболочку души, поэтому для меня нет разницы между полами.

Полно разглагольствовать, пора дела делать. Нечего малышку в корзинке удерживать, а ее матери душу теревить.

Надо поскорее покинуть это место.

—... Люди во дворец? — последнее восклицание Алет до-
неслось до меня.

Видимо, предложение гостя слишком странное и эксцен-
тричное, поэтому хозяйка заведения не сдержалась. Обычно
она не такая эмоциональная.

Малышка в корзинке начала просыпаться и мне пришлось
поторопиться.

Знаю я место, где малышку скроют, вырастят. В любви и
покое будет ее жизнь. Путь к тому дому неблизкий. Поэто-
му я ищу темное местечко, чтобы ворожбу свою свершить.
Спрятавшись, опустила корзину и заглянула в лавандовые
глазки малышки.

— В глаза смотрю, а вижу твою мать, — тепло и ласково
улыбнулась малышу.

Тронула брошку с силой живого огня. Напиталась жаром
домашним, скинула образ старушечий. Тело свое девичье в
плащ из разноцветных перышек обернула и корзинку под по-
лу скрыла.

— Летать боишься, малышка? — в последний раз попра-
вила одеялко ребенку и оторвалась от земли.

Из темного, скрытого угла вылетела маленькая синяя
птичка. Солнечные лучи погладили перышки, явив свету
природную красоту и грацию певчей. Летела она долго, груз
под ее перышками был важный. В другом городе опустилась
пичужка в саду богатой семьи. Не знает здешняя пара магов

ни беды, ни нищеты. Все есть у супругов, а вот детей древние божества не дают. Бояться, что возгордиться мужчина и смуту в мире наведет.

А я, послушница древних богов, ослушалась их. Принесла в сад, где женщина гуляет, кроху. Суждено было малышке умереть, но не смогла я сон последний навести.

Женщина обрадовалась. Ребеночка схватила, да так и не отпустила. Бежала к дому, мужу показывать, а сама вся в слезах, улыбается.

Жалко мне Аврелию. Но такова судьба куртизанки. Пусть хоть одной из них повезет в этой жизни. А я прослежу за этим.

Знаю, какого это не иметь возможности к своему дитяти прикоснуться. Не чувствовать нежности его кожи, не ощущать аромат маленького тельца. Не смотреть в глазки бездонные, которые от всех помыслов дурных отгораживают. Наблюдать, как твое дитя растет и становится лучше, чем был вчера. Как улыбается...

Сжалось мое нутро, болью адской скрутило, живот огнем обдало. Не могу чувствовать, как душа вдалеке разрывается, но боль тела прекрасно ощущаю. Остановилась. Обернулась старушкой дряхлой и медленно пошла к своему столбу, который дом мне заменил.

В голове бьется лишь одна мысль:

"Надеюсь, за моим ребенком кто-то так же присматривает".

Тронула сережку в виде спящего дракона и с еще большим рвением пожелала малышу Аврелии счастья.

Бывают дни, когда я из дома не выхожу. Читаю, слежу за живым огнем и смотрю на небо. Мне нельзя далеко от столба уходить — это мой якорь в этой жизни. Путешествие заканчивается за пределами двух городов. Так, боги наказали любительницу путешествовать и впутываться в истории.

Но сегодняшний день отличался от многих. Об этом говорил живой огонь. Он танцевал в предвкушении чего-то нового, интересного, особенного. Хорошо, что алтарь не видит пляски пламени.

Сегодня к моему куполу пожаловал новый гость.

— Где-то я его уже видела, — прошептала, разглядывая мужское тело за пологом невидимости.

Гость явно что-то искал, распуская поисковые маячки. Хмурился, когда заклинание не срабатывало и исчезало.

— Это гость Алет, — вспомнила, увидев его лицо.

Небольшая фигурная бородка, на усталом серьезном лице. Тяжелый взгляд, будто предупреждает не подходить близко. Массивный подбородок говорит о стойкости, выдержке и концентрации обладателя.

Наверное, это все, что я смогу запомнить на короткое время. Случайная встреча с ним уже мелькнула в бытии моей жизни и растаяла. Я должна потерять интерес к мужчине, но смотрю за его попытками колдовать в "гиблом месте".

Помочь? Или не стоит обнадеживать?

Живой огонь трепещет и тянется к неясной фигуре за куполом. А алтарь молчит, дает мне право выбора в этот раз.

— Здесь вся энергия уходит в землю, досточтимый, — предстала перед очами мужчины в образе юной девы с золотым каскадом волос и голубыми глазами. — Если хотите что-то найти, спросите.

Моя красота, подаренная богами, пленяет мужчин. Обычно мне начинают комплименты дарить или дифирамбы петь, забывая о своем истинном плане. Очарованные люди рассказывают все, что хранят в своем сердце, даже не замечая моего колдовства.

Давно я не развлекалась, пушу-ка чары в ход и посмеюсь над несчастным влюбленным.

Хоть так, моя боль от предательства станет немного тише. — Как зовут тебя, добрый молодец? — медленно начала свой "танец", каждым движением ног привлекая мужское внимание.

— Калистр, — низкий, грубый голос. Таким только военными повелевать и армию строить.

— Калистр, — пробую его имя и морщусь.

По языку будто наждачкой провели, во рту будто осколки стекла образовались. Его имя приносит мне боль. Жуткую боль. Если еще раз повторю, то непременно захлебнусь кровью.

— Не по нраву тебе мое имя пришлось, — надменная улыбка тронула мужские губы. — Вижу, что и свое очарова-

ние потеряла, неприкаянная.

Удивил меня мужчина замечанием. Посмотрела на свое тело и ужаснулась. Действительно. Одни кости да свет от божьей силы стоят перед незнакомцем. Растеряла всю свою мощь, пока имя чужое проглатывала. На вкус пробовала. Облик — морок сняла, истинную суть показала.

— Неприглядная у тебя душа, — выразился гость. — Сквозь тебя мир можно увидеть. Ты бы хоть кости свои от земли отмыла, а то смотреть противно на твои "соблазнения".

— На себя бы посмотрел, — не вытерпела такого хамского обращения. — Сам черен от бед и ненастий, на старика похож с беззубым ртом. Давно ли ты мылся, черт рогатый?

— Попозже твоего, ведьма, — огрызнулся хам.

— Что ты тут рыщешь, как пес блохастый? — недоброжелательно прошипела мужчине в лицо и проследила за его реакцией.

Моего истинного тела все бояться. Убегают, стоит им заметить мой белесый силуэт. Я для них смерть несу. А этому, хоть бы что.

— Сказали мне, что здесь есть могущественная волшебница. С любым делом справится, если достойную плату дашь. Кажется... Соврали, — он тронул ткань, что прикрывала мое разложившееся тело. — Я нашел лишь малолетнее приведение, которое не знает, кого можно псом называть, а перед кем само должно хвостиком вилять.

Малолетнее? Хвостиком?

Этот жалкий человечиска представляет, перед кем стоит? Он хоть знает, чем моя злость может обернуться?

Тише, Иола. Тише, девочка.

Пусть живой огонь беснуется в печи, а ты все-таки пожилая дама с холодным разумом и чувством собственного достоинства.

Вернула себе прежний облик девушки с острым взглядом и направилась под купол. Не надо ссориться с малолетними самоубийцами, рыскающими по древнему капищу. Этот недоумок ловит неприятности, а я просто на пути попалась. Надо остыть.

— Если ты сейчас уйдешь, то я уничтожу этот столб, — внезапно холод настиг мой разум, а тело онемело.

— Могу кувалду предложить, — стараюсь не показывать, что мне важен монумент. — Или ты по старинке? С помощью палки и рук? — не смогла удержаться от подколки "старика".

— Можно и по старинке, — не остался в долгу гость.

На его руках появилось черное сияние. Плетение настолько древнее и забытое, что я его знаю лишь из книг. Не уверена, правильно ли выполнено колдовство, но даже с ошибками эта сила может сровнять с землей не только столб, но и всю Дарию.

— Ты темный маг? — предположила и тут же заметила разочарование на мужском лице. Неправильно. — Хотя на

такую бомбу нужна соответствующая мощь. Дракон. Точно, — гость вида не подал, но теперь я его заинтересовала. — Один из древних, раз можешь контролировать такой ужас. — удивила. — Хмм, я считала, что все "старички" сидят в замке и пьют молочко за выслугу лет.

— Мне молока не досталось, — заметил мою подколку мужчина. — Так что со столбом, ведьма?

— Не хочу соглашаться на твое предложение, но и отказаться не могу, — начала рассуждать вслух. — Откажусь, и моя привязка к этому миру исчезнет. Я вернусь в небытие и... Не исполню твоего поручения. Знаешь, мы с тобой сейчас на одних качелях: если я исчезну - ты пропадешь и наоборот, — пытаюсь запутать опасного старика.

— Почему не хочешь? Я ведь еще не говорил, что мне нужно.

— Ты опасный, — высказалась и замерла, ожидая развоплощения.

Но ничего не произошло. Темное заклятие спокойно ютилось на пальцах мага.

— Продолжай. Что еще ты разглядела во мне, надкусив истинное имя? — мужчина подошел ближе, угрожающе сверкая взглядом.

— Ты жесток. — каждое слово, как камень, бросаю на дно стакана и жду, когда вода польется через край. Опасно играть в такие игры с этим магом, но он сам желает этого. — За твоими плечами много потерь. Душа разбита и страдает. —

еще один шаг ко мне. — Разум безумен и готов к рискам. С таким набором качеств я встречаю лишь сломленных самоубийц, но ты жаждешь жизни. Сражаешься за каждый вдох и готов убивать...

Мы стоим слишком близко друг к другу. Я чувствую его дыхание на моем холодном теле. Жар его души пробивается сквозь омут темных глаз. Хищная улыбка озаряет безумные черты лица.

Я служительница темных богов, сил давно скрывшихся из этого мира и ведущих свои дела тайно. Могущество дано мне после смерти. Я могу воскресить, уничтожить и управлять чужой судьбой.

Я боюсь его...

Калистр - незванный гость

Иола, в одном из своих обликов

Я его боюсь... Поэтому не отступлю, не отойду и не склонюсь.

— Вы слишком много видите в моих глазах, — глубокий властный бас разлился по моему телу, тысячью горячих искорок. Каждое его слово будто высекало пламя в воздухе, в моменте, в пространстве, во времени. — Мне тоже стоит быть с вами откровенным, дитя.

Я едва не подавилась, услышав его надменное высказывание.

— И что же вы видите в глубине моего скелета. — самоирония - лучшая защита от нападения.

— Душу, которую предали, продали, истязали. Ты желаешь мести, поэтому темные боги откликнулись и дали тебе силу повелевать судьбами. Твой образ вызывает и доверие, и истинный страх. Ты не преклоняешься, не боишься, не лебезишь, смотришь прямо на собеседника, не страшась его реакции. Даже сейчас не отводишь взгляда, хотя чувствуешь мою мощь. Я пытаюсь тебя подавить, но вижу, все тщетно. Ты стоишь гордо, ровно не ломаешься. Наверное, до смерти ты была королевой, правящей с помощью всего одного взгляда.

Поразительно. Слишком много он раскрыл всего за пару минут общения. Опасный тип, брр. Если он узнает, что

к правящему роду отношусь лишь косвенно, то догадается о моем истинном пути попаданки.

— У тебя тоже есть что терять в этой жизни.

— Зачем ты ищешь тех, кто не умеет склоняться? — надо срочно менять тему.

— Предлагаю работу во дворце, — удивил меня гость. — Но для начала давай найдем более удобное место для разговоров.

— Не нравится ночной холод или близость могил пугает? — поддела собеседника.

— Боюсь, что твой скелет последнее остудит, — уголки его губ дрогнули. — Я хорошо заплачу, — произнес наниматель, как только проник под полог невидимости.

— Что же вас заставило думать, будто я соглашусь? — усмехнулась попыткам купить меня.

Призракам не нужны земные блага. Наша еда ходит на двух ножках, и сама подпитывает мифические сущности.

— Знаю, что вы привязаны к этому месту, — начал мужчина издали. — Свое предназначение еще не исполнила, значит, оно не относится к территории, которая тебе доступна. Я могу дать возможность выйти за границы твоей "клетки", если ты позволишь использовать себя, как бессмертную сущность.

— Хмм, какое интересное предложение. — живой огонь трепещет, поет свою незатейливую песню, дарит свет дому. Духи тихонечко прячутся в темных углах комнаты, алтарь

изображает кровать. Все окружение боится могущества наглого посетителя. — Если откажусь, меня развоплотят, соглашусь — наделят силой. Знаете, ваше условие что-то мне напоминает. Такой же договор у моей души с древними богами. — улыбнулась, ловя отблески света молодым телом.

— Это отказ? — холодом стеганул человек и приготовился к нападению.

— Думаю, вы слишком жестоки.

— Не переводи тему, птичка. Мне нужен твой ответ.

— Если вам нужен человек во дворце, то мне интересен внешний мир.

— Как только сделаешь все что надо, дам столько сил, сколько потребуешь.

— Ой, не смешите меня. Чувствую, что силы тебе не занимать, жеребчик, но чтобы удовлетворить мои потребности не хватит и моря. — двусмысленно растянулась и открыла вид на тонкую девичью шейку.

— Я дам попробовать всего раз, а потом ты сама будешь просить, — склонился мужчина надо мной.

Кто кого соблазняет в этой игре разумов?

Но в то же самое время мне нравится наш разговор. Освежает, волнует и изобилует интересными открытиями.

— И кем мне стать для вас? — приблизилась к его лицу завораживая, пленяя и кружа голову.

Лукавая ухмылка появилась на его лице. Пальцы тронули золото волос, а наглый взгляд кричал о победе обладателя

темно-карих глаз.

— Называй меня, мой господин...

Хлесткая пощечина вернула меня из воспоминаний. Договор всплыл в моем сознании и потух. Смотрю себе под ноги и заставляю терпеть неуважительное отношение к старости.

В образе старухи стою в самом охраняемом дворе империи и выслушиваю наглую личную служанку одной из господ.

— Прошу прощения, — цитирую одну и ту же фразу и стараюсь скрыть взгляд, заполненный жадой крови. — Больше не повторится.

— Конечно, не повторится, старая карга, — шипит змеюка и разбрызгивает слюну, словно яд. — Я прикажу и тебя высекут!

Гадюшник, а не дворец. И самые жестокие здесь - женщины. Им нечего делать, поэтому подстраивают каверзы, задумывают интриги.

Одна моя провинность и стервы готовы накинуться на слабую старушку, чтобы выклевывать печень.

А все из-за "господина". Попросил вывести из себя леди прекрасного двора. Одну из любимых наложниц нынешнего императора. Пришлось искать красящие растения и пачкать одежду девицы. Но старшая служанка раскрыла мою задумку раньше и решила наказать.

Зачем мне все это? Интриган похлеще девушек. Что он задумал и почему я должна страдать?

Хватит терпеть, надоело щеки подставлять, пора и зубки показать.

— Ты потише с ручками. Замараешь о несчастную старуху. Отрезать придется, — вкрадчиво произнесла и почувствовала, как сила нанимателя хлынула в тело и смешалась с моей мощью.

Кукловод рядом. Торопится занять первые места.

Надо закругляться.

— Я перестираю, — забрала грязную тунику из рук шокированной прислуги. Сделав неуверенный поклон, поторопилась скрыться со "сцены". Пусть игрок наслаждается своим величием подальше от меня. Не хочу тешить его самолюбие.

Стоило мне скрыться, как возле прачки появился "господин". Его голос грозно звучал в маленьком пространстве двора. Вслед за ним послышался женский щебет и стало ясно, кто здесь главный.

Простите, наниматель, но я не понимаю вашего плана. Что вы хотите от меня и как будет выглядеть итог? Поэтому следую вашему плану, но в меру своих способностей.

Ночью для отчетности, пробралась в комнату господина птичкой синей. На окно присела и застала интересную картину.

Женщина в яркой одежде восседает на коленях господина и вальяжно водит пальчиком по его оголенной груди.

— Калистр, дорогой, ты правда ничего не помнишь? — девица заглядывает ему в глаза.

Со стороны кажется, что женщина пытается соблазнить, но я вижу жестокость ее натуры. Дело не в обольщении, а в мягких и щадящих пытках. Пока она верит в забвение партнера, прибегать к насилию не станет, но уже сейчас видно, что вскоре она избавится от "дорогого".

— Прости, Майти, но в памяти не осталось даже нашей свадьбы.

— И после стольких лет... Ты совершенно...

— Да, я не могу удовлетворить тебя, дорогая. Как и любую женщину этого мира. Прости и дай мне дожить свой век в тишине и спокойствии. — он мягко улыбнулся красавице. — Разве настоящий мужчина смог бы устоять перед твоим очарованием, Амалата? Каждый смотрящий на тебя жаждет большего, чем единственного взгляда. Если бы ты так же прижалась к другому, то ощутила бы своей прекрасной попкой истинные намерения собеседника. Но я... Прости... — темные глаза опустились.

Женщина встала со своего места и властно сообщила.

— Хорошо, что у нас уже есть дети и они неплохо правят Дарией. — резко развернувшись, кукла покинула комнату.

— Ты давно здесь? — недомужчина застегнул рубашку и поправил растрепанные волосы.

Дураку понятно, что меня заметили. Мужчине интересно, что я слышала и до чего додумалась. Стоит ли мне прики-

нута́сь ниче́го не понима́ющей де́вочкой или надо́ показат́ь свою́ про́ницате́льность? Наверно́е, стои́т бы́ть открово́енной и вза́мен по́проси́ть того́ же.

— Ваши отношения с регентом слишком близки, чтобы называться дружескими. С учетом того, что я слышала, когда-то вы были любовниками. Не исключу, что могли быть супругами, а значит...

Последнюю догадку я не смогла озвучить. В груди загорелся жар, дыхание перехватило, страх и ужас сковал мою душу, а в голове пронесся веселый девичий голос:

"— Так вы глава Гнезда? Дракон? Прекрасный и сильный, прямо как в фэнтези романах моего мира! — задорный женский смех, заставил улыбнуться сомкнутые в одну линию губы. — Юля. Меня зовут Юлия..."

Очнулась от забвения в руках господина. Он осторожно гладил меня по щекам и звал по имени, но дело в том, что у призраков слаба связь с миром живых и дух не отзывается на призыв.

— Не знал, что духи тоже теряют сознание. Тебя шокировало мое положение в обществе? Так теперь я всего лишь старик. Считай такой же призрак в этой стране.

Осторожно отстранилась от мужчины и всмотрелась в его лицо, желая увидеть нечто знакомое, напоминающее. Но облик был новым для меня. Ничего, что могло бы заставить память пробудиться ото сна. Но все же, стоит попробовать спросить.

— А мы... Раньше... До войны с ар'аханами, не встречались?

Иола в облике старой женщины, охраняет свои чертоги

— А мы... Раньше... До войны с ар'аханами, не встречались? — с надеждой в голосе, слежу за его мимикой, боясь увидеть подтверждение.

Мужчина замолчал, напрягся. Стал властным, самоуверенным гигантом, который ни за что не признает свою недееспособность. Передо мной был тот, кто смог заключить контракт с духом, а не серая тень, которую видела королева.

В его глаза вспыхнул огонь, в пламени горело мое отражение.

Рука по-хозяйски, нежно удерживает меня на весу, не позволяя упасть на пол. Пальцы мужчины ласкают ладонь, трут каждую линию, заботливо оборачивают холодную кисть.

Теплота, доброта, мягкость сияют в глазах напротив. Каллистр беспокоится обо мне. Бесчувственное состояние напугало загадочного и злого дракона. Но на моем лице отражается ненависть. Мрак покрывает прекрасный облик девушки. Истинная суть проявляется, чтобы взять свою плату у жертвы. Теперь костлявая рука удостоена нежных прикосновений, а провалы глаз смотрят в склоненное мужское лицо.

— Раньше... Виделись? — холодный голос смерти, требует ответ.

От слов зависит его жизнь. Надеюсь, смелый хам понимает, не стоит лгать жрице древних времен. Я все узнаю, все

увиджу, почувствую.

— Нет, духу, служащему темным богам, не смотрел в глаза. Не купался в его ледящей силе. Не держал в руках птицу счастья.

Не врет. Но что-то скользкое мелькает в его оправдании. Я не могу уловить недосказанность и выявить ложь, за лицемерием.

Неправда. Неправда. Я хочу разгадать его неправду, но сама бегу от своей реальности.

Причина моей смерти — пожар, который унес несколько жизней. По воле судьбы моя душа переродилась в этом мире, на земле Пархана. Новое тело, новая планета, новые заботы. Я училась, росла, радовала отца с матерью получением наград и грамот. Любила местную историю, литературу и знала несколько языков.

Повышение до почетного книгохранильца стало роковым. Работа была похожа на библиотечную с одним "но". Библиотека находилась во дворце арханов, король и высокопоставленные вельможи были основными посетителями. Надо было следить, чтобы книги не унесли. В один из обычных дней на пороге появился Дракон, который и стал отправной ступенькой к моей смерти.

Я понимала, что обычный змей не сможет проникнуть на недружелюбную территорию, но в то время Пархан все еще пытался наладить отношения с Дарией. Много выскородных драконов летало в воздухе. Всем надо было встретиться

с правителем земель ар'ханов.

Тяжела и загадочна жизнь королей в Пархане. Их все боготворят, и все ненавидят. Многие хотят уничтожить, свергнуть, очернить. Моя роль была небольшой, я помогала раскрыть спутанные сюжеты интриг, убийств. Благодаря начитанности, эрудиции и предчувствию. Не давала отравиться, разбирая ядовитые вещества. Дракон всегда был рядом, неотрывно следовал за мной, а я боялась мужского внимания со стороны негласного врага. Несмотря на осторожность, чувства зрели, и вскоре я не могла представить дня без Него. Связь, которую отвергала, стала настолько сильной, что ее нельзя было игнорировать.

Добился, сделал своей, назвал Истинной. Я верила каждому слову. Встречала и провожала в нашем тайном месте. Ждала ребенка, радовалась, как зачарованная курица. Не обращала внимания на то, что вместе не живем, наши встречи — тайна, а ребенок — величайший секрет мира. Дракон обещал, что все исправит, сделает так, чтобы мы были семьей.

А потом...

Ко мне пришли его товарищи и сообщили, что у милого есть жена и дети. Драконы влюбчивы и истинность для них игра, мне надо принять этот факт. Предложили отправиться в его гарем в качестве наложницы. Сказали, что родившегося ребенка примет жена любимого. У малыша будет все, кроме власти.

Власти...

Я умудрилась влюбиться в высокородного! Главу рода, связанного с дипломатией! Черт бы его забрал! В самую лицемерную тварь планеты!

Я не хотела жить в гареме.

Чувствовала выжигающую боль от преданной связи истинных, внушала себе, что все пройдет. Не проходило, мое тело менялось, а разум тух. Я согласилась на встречу с "любимым", хотела посмотреть в его бесстыжие глаза, возненавидеть, крикнуть нечто обидное, плюнуть в лицо, обвинить во всех смертных грехах.

Не успела...

Сопровождающие меня драконы напали внезапно. Стремительно из сочувствующих телохранителей стали беспощадными убийцами. Зная, что беременным драконницам нельзя перевоплощаться, они хотели убить быстро, без шума. Но я не заботилась ни о ком, кроме ребенка. Поняла, что не выжить, не уйти от пятерых огромных ящеров. Поэтому применила метод, который спасет дитя, но убьет меня.

Мое тело стало формировать скорлупу возле малыша, разрушая мои кости, забирая из меня питательные вещества и жидкость. Ребеночку еще надо закончить свое развитие и не потерять зверя, поэтому все, что нужно давало мое тело. Я сражалась, обезумев от разрыва истинных чувств. Вгрызалась в чужую плоть, применяла заклинание, уничтожала магией.

Тянула время, чтобы успеть сформировать защиту вокруг

малыша.

В небе Пархана, я погибла, но точно знаю, что ребенок жив. Сergy в виде спящего дракона не рассыпались. Они показывают стадию развития дитя. Спящий дракон – малыш в образе человека, вторая суть спрятана. Ребенку уже почти год, артефакт в виде украшения, совсем недавно преобразился. Из небольших камешков стал дракончиком.

Боги, как же я хочу хотя бы увидеть своего малыша. Одним глазочком, убедиться, что с ним все хорошо.

Больно. Мучительно. Смертельно.

Чувствую, как мертвое сердце разрывается, кровоточит, дрожит. Оно все еще чувствует предательство, обман и ужас прошлого. Если рядом со мной тот, кто принес все эти чувства, то я скорее отгрызу себе голову, чем помогу, прощу, полюблю. Не уверена, что Калистр как-то связан со мной. Не помню человека, которого любила. Не знаю кто предал. Единственное, что всплыло в памяти, знакомство с главой гнезда.

Грудь разрывает всепоглощающее пламя. Оно вырывается наружу, требует свободы, отмщения, трупов.

Чтобы успокоить свое сознание и не дать мощи богов разрушить мир, я вырываю огонь мучений из сердца. Нельзя поддаваться эмоциям. Могу навредить невинному человеку. Моя сила, как атомная бомба, жестокая, беспощадная, с долговременными последствиями.

Держу в руках живой огонь. Пламя беснуется, разрывает-

ся на части, сливается, пытается вернуться в тело. Не позволяю прикоснуться к себе и легким движением руки отправляю лепесток чувств к камину — клетке. Искры исчезают с тонких, костлявых пальцев. Я вновь могу мыслить здраво. Холодная душа готова к разговору с драконом.

— Твое сердце жаждет моей смерти, — понял все Калистр. — Это из-за того, что я тебя "дитя" называю?

Он не помнит ничего. Я тоже, уже... Хочу забыть свою догадку. Слава богам, мое сердце спокойно, пламени больше нет. Не желаю вновь страдать. У меня есть всего одна цель и, чтобы ее добиться, готова сотрудничать даже с Калистром, кем бы он не являлся.

Мужчина наблюдал за моими муками, действиями, изменениями.

— Мне плевать на мелочи прошлого, — подбодрила себя и вернула скелету привлекательность. Красота обернула мое брренное тело в прелестную упаковку. Грудь налились соком, румянец краской, а губы поспели, словно вишенки. — Тебя достаточно покарали. На данный момент, бывший глава всего лишь тряпка под ногами истинного правителя.

Грешна. Не удержалась от колкости. Ненароком связываю предателя и главу гнезда. Ирония, издевки лучший способ, чтобы выпустить яд. Пусть мои слова врезаются в мужскую душу, а не моя сила, месть и злоба.

— Хм, твои слова слишком предсказуемы. Где же индивидуальность, призрак? — мужчина стоял напротив и улы-

бался. — Впрочем, другого и не ожидал от столь недалекой девчонки. Ты видишь то, что я хочу показать всем: жалкого, бессильного, старого дракона, которого не надо бояться. От старика многого не ждут, на жалкого не хотят смотреть, на бессильном не покатаешься. Недостойные не увидят истину, а ты... Будешь молчать, иначе растворись вместе с постановкой.

— Сколько потуг, — поддела гордеца. — Для чего? Хочешь трон?

— Хочу освободить место для девушки. Это единственное, что мне подвластно. Искупление не заработаю, но светлое и безбедное будущее обеспечу.

— А говорил, что не мужик более. Все вы ловеласы. — скривилась и ощутила, как горячие руки поймали подбородок. Большой палец очертил алые губы, чувственный вздох вырвался в ответ на действия.

— Я не мужчина, но и ты не женщина. Может, придумаем, чем занять друг друга одинокими ночами? Знаю много заклиний, которые способны растопить холодную душу. Согрею ледяное сердечко и наполню энергией до краев.

Слишком жаркий шепот, слишком маленькое расстояние между нашими губами, слишком странные ощущения в прозрачном теле. Кажется, я начинаю согреваться, не смотря на то, что недавно пылала от негодования. Опасно охлаждать чувства рядом с хамом. Надо не только помнить о мужских прегрешениях, но и ненавидеть.

— Давай, — шепнула и обернулась старушкой. — Согрей меня, молодчик. Наполни и излейся, милый.

Обольстительная усмешка изогнула мужские губы. Но проигравшего в немом сражении нет. Я чувствую, как близость Калистра не дает мне покоя, а бывший правитель ничего не сделает дряхлой жрице. Надо срочно менять тему.

— Ты пришла за ответами, — обогнал собеседник. — Не все готов раскрыть.

— Почему я должна вывести из себя наложницу императора?

— Она заведует ритуалами. Нужно попасть в собор, который раньше традиционно использовали для коронации правителя. Нужно показать людям, что ни один из "сыночков" не имеет отношения к истинному Главе Гнезда.

"... Пальцы мужчины ласкают ладонь, трут каждую линию, заботливо оборачивают холодную кисть..."

"... Истинная суть проявляется, чтобы взять свою плату у жертвы. Теперь костлявая рука удостоена нежных прикосновений, а провалы глаз смотрят в склоненное мужское лицо..."

"... Чтобы успокоить свое сознание и не дать мощи богов разрушить мир, я вырываю огонь мучений из сердца. Нельзя поддаваться эмоциям. Моя сила, как атомная бомба, жесто-

кая, беспощадная, с долговременными последствиями.

Держу в руках живой огонь. Пламя беснуется, разрывается на части, сливается, пытается вернуться в тело. Не позволяю прикоснуться к себе и легким движением руки отправляю лепесток чувств к камину — клетке. Искры исчезают... "

Познания о гаремах у меня были из прошлой жизни. В Пархане таким не промышляли. Двоемужество/двоежен-ство порицалось, а наш великий король вовсе был не женат. Не знаю, как там у него дела на личном фронте были, но королевой себя ни одна ар'ханка не называла. Став библиоте-карем — мастером секретов мира, я познакомилась с разными традициями. Многие народы жили обособленно и старались не конфликтовать с соседями. Особенно с драконами.

Чужаков пугала не только сила и мощь летающих мон-стров. Больше всего их страшили женские интриги.

Из-за вырождаемости расы главе гнезда приводили деву-шек. Разных пород, происхождений, родства, рас. С надеж-дой на то, что хоть одна, но должна понести после ночи люб-ви. Из тысячи красавиц кому-то хватит ума придумать спо-соб забеременеть. Ведь только женщина сообразит пойти к ведьме или выпить зелье, стоя голой под луной. Поэтому у самых значимых родов драконьей империи появились гаре-мы.

Намного позже, после войны с ар'ханами женщины гаре-ма стали получать титулы, а заодно и обязанности. Теперь у каждой наложницы был статус при дворе. Новые должности давались, после того как господин посещал девушку ночью.

На данный момент империей правит сын главы гнезда

— Роток. Но все это управление происходит на бумаге, которую складывают за замковыми стенами. Сильной правительницей до сих пор считают Амалату — первую жену главы. Именно она ощутила пробуждение своего супруга и экстренно послала за ним. Говорили, что женщина заботится о нации. Калистр, будучи сильнейшим из драконов, впадал в неистовство при вспышке злости. Мог нечаянно уничтожить город, снести полстраны, разрушить все мирные договоренности. Поэтому доверия к эмоционально нестабильному главе - не было.

К проснувшемуся относились с уважением, выученным почтением, но не более. В глазах родной семьи дракон видел пренебрежение, насмешку, брезгливость. Занять свое прежнее место ему не позволят. Правит сын, значит, все честно. Теперь в гареме женщины нынешнего правителя. Они разделяют тяготы его правления, позволяя насладиться своими телами. Прекрасная леди, хозяйка нефритового двора отвечает за ритуальные праздники, наследие и традиции. Поэтому с нее проще всего начать возвращение власти бедному, несчастному главе.

Вход в гарем для мужчин запрещен. Даже бывший король не смеет там находиться. В женском царстве все устроено так, что девушки, не имеющие за спиной сильную семью, здесь могли занять определенную нишу. Даже такой старухе, как я, выделили роль и дали работу. Несмотря на все плюсы дворцовой жизни, за стенами драконы были лишь этикет-

кой для рекламы. Почти все управление держалось в руках магов. Люди содержали империю, контролировали финансы, образование, ремесло, медицину.

Не думаю, что возвращение главы гнезда будет хорошо воспринято. С королевой маги уже имеют договоренности, а с главой даже не знакомы. Поддержат ли хамоватого правителя?

Но об этом лучше не думать. Хочет Калистр ритуал, получит.

Тяжко бедной, старой женщине попасть на глаза высоко-родной драконнице. Если бы не дар убеждения, то я бы вечность провела возле ворот дворца.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет отправляется к ней.

Мне всего-то и стоило распространить слух. В женском коллективе байки расходятся с невероятной быстротой.

— Прачка, — возле меня появилась девушка, которая совсем недавно хлестала по щекам. — Моя госпожа желает тебя видеть, — главная горничная держалась гордо, но с опаской посматривала на мое скорченное тело.

— Зачем нефритовой леди такая как я?

— Не ведаю, но ты идешь со мной!

Ой, не кричи ты так, я все слышу и знаю. Просто надо приличия соблюсти. Ни одна из низших прислуг не обрадуется, когда ее на ковер к боссу позовут.

Вид благородной наложницы, восседающей на "стуле при-

емов" должен был вдохновить вошедшего. Но я рассматривала не власть, о которой в комнате кричит каждая вещь. Женщина, что смотрит прямо мне в глаза... Не признает религию. Ее тяготит занятие празднествами и соблюдение традиций, поэтому...

— Ты не склонилась! — шипит на меня старшая горничная.

— Прошу прощения, — слегка наклоняю голову, — не обучена придворному этикету. Я всего лишь прачка.

— Оставьте нас, — прервала служанку госпожа и грозно посмотрела на меня. — Подойди ближе.

Тихие шаги удалялись прочь, а я шествовала к возможной королеве. Девушка была в белом одеянии, раньше белый цвет позволяли носить лишь людям, служащим богам. Чистота и невинность должны окружать служителей богов.

— Госпожа, вы что-то хотите услышать от меня? — слегка склоняю голову, делаю вид, что старому телу не под силу согнуться в три погибели.

— Ты распространяешь слух о том, что вернувшийся глава вовсе не был прародителем нашего императора?

Девушка выглядит очень расстроенной, злой, недовольной. Ведь она, получившая самый невыразительный титул, теперь делит одного мужчину с другими невестами. На протяжении многих лет у нее не было ни одного зачатия. Муж не приходит в покои любовницы уже третий год и власть леди слабеет. Поговаривают о смене хозяйки нефритового двор-

ца. Уверена, она знает обо всех слухах касательно своего положения, поэтому на эмоциях девушки легче всего сыграть.

— Я всего лишь повторила то, о чем судачит город за стеной, — стараюсь выглядеть нервно, испуганно.

Правдивая неправда - лучшая ложь.

— Еще раз, перескажи то, что слышала в городе, — потребовала наложница императора.

— Как вам будет угодно..., — делаю подобострастное лицо и замираю. — Прошу прощения, но я простолюдинка и не знаю как к вам обращаться. — неуверенно кланяюсь.

— Леди нефритового дворца, Аран.

— Аран, — покатила имя на кончике языка, улыбнулась.

Сильная женщина, осторожная, любопытная. В качестве жертвы сгодиться. Марионетка хочет выделиться, обойти товарок, но для этого не так много возможностей.

— Калистр - неприятный проходимец, — шепнула и зажала себе рот.

Не от испуга сказанных против главы рода слов, а из-за боли, которая пришла вместе с именем.

— В последнее время королева сильно переживает из-за...

Девушка осеклась. Поняла, что в присутствии служанки о таком не говорят.

— Вряд ли ложный глава гнезда пройдет древний ритуал посвящения королей. Если подтвердится, что мужчина во дворце — вун, то мне меньше стирки будет, — ненавязчиво подталкиваю невесту к решению проблемы, шепчу о

своих невзгодах, заботах и подсказываю. — Я слышала, что нынешний император проходил крещение Небом. Обернувшись, полетел, кружок в облаках и все. Замечательное становление императором. — мечтательно заговорила, а сама приближаюсь к невесте и шепчу: — Но этот метод был выбран не случайно. Глава Гнезда проходил другое посвящение. В храме семи солнц. Если нынешний проходимец сможет пройти этот ритуал, то слухов станет меньше.

Аран задумалась. Нахмурила бровки, всмотрелась в отражение зеркала. Ее тревожили разные мысли и среди них была одна "Королева наложила запрет на проведение ритуала в храме".

— Иди, — отослала меня девушка.

Слуги госпожи хлынули в имение, как только я покинула комнату. Надеюсь, все получилось. Не зря я применяла гипноз, кланялась и создавала слухи. Заняло много времени, но за это время Калистр смог привыкнуть к новому дворцу.

Знаю мысли Аран. Сейчас она хочет угодить королеве, чтобы та повлияла на сына. Избавится от появившегося главы гнезда - наилучшее решение. Амалату порадует избавление от занозы, появившейся так не вовремя.

Надо сообщить господину о проделанной работе. Ранним утром я смогла покинуть общие покои служанок и отправиться к северному дворцу. Птицей взмыла в небо и тихо присела во дворе. Бывший глава не спал. Танцевал с деревянным мечом по площадке. Сражался с тенью, бесшумно

двигался, тренировал мышцы.

Его тело было тощим, но уже сейчас виднелась мышечная масса. Работая над собой, создавая себе препятствия, преодолевая трудности, возможно, страна увидит своего старого правителя. Но сейчас он больше похож на побирuşку с большой дороги. Только манеры выдают благородную кровь.

— Наслаждаешься видом? — взгляд темных глаз замер на маленькой птичке.

— Было бы на что смотреть. Ни рыба ни мясо. Голый су-повой набор.

— Я про рассвет, — усмехнулся мужчина. — Но рад, взор прекрасной птички прикован ко мне.

Лукавая улыбка расцвела на лице главы. Яркие лучи солнца простилаются на небосводе, окрашивая облака в яркие тона. Утро берет власть над ночью, свет врывается в темноту. Победа добра над злом.

— Тебе сына не жалко, глава? — мне не был важен ответ. Грызня за власть мало интересна такой старухе, как я. Волновало другое, мага, дающего мне возможность отойти от столба, могут убить.

— Был бы это мой ребенок.

— Многозначительный ответ от мужика, который имел множество беспорядочных связей. Откуда тебе знать, какая из любовниц понесла?

— Драконы чувствуют родство.

— Но не чувствую, как их величие принижают обыч-

ные люди. Маги вовсю пользуются властью, а драконы до сих пор грызутся. Слава богам, что я в семье монаршей не родилась. Родной отец бы погубил. Да и наложницей становится - стыдоба. Ни жена, ни свободы, мужик бегаёт по всем койкам, где его ждут с распростертыми объятиями. Развлечений нет, от яда умри, от убийц спасайся. Ужас, а не семейка, — расписывала "прелести" придворной жизни, накручивая локон на пальчик.

Не заметила, как мужчина подошел ко мне. Заглянул в лицо и улыбнулся.

— Если все так плохо, почему королева держится за этот титул?

— За воротами она станет одной из "куртизанок". Здесь, сынок боготворит.

Калистр склонился надо мной, показалось, что гром раздался в небе. Протянул руку, жаром бок опалило. Тронул одежду, ветер перемен задел холодную душу. Захотелось прикоснуться к живому, словно холодный путник к жару костра. Прильнуть к плечам, очерченных силой.

— Там халат. Встань, — потребовал глава, развеивая волшебство момента.

— Пожалуйста, — соскочила с перил, на которых сидела, после обращения. Едва коснулась тела дракона и тут же прочь отошла.

— У тебя такое лицо, будто тебя сладкого кусочка лишили, — понятливо усмехнулся Калистр. — Разве великую

смерть привлекает "суповой набор". — поддел мужчина.

Нарывается, дерзит, хамит, ухмыляется. Он бессмертный? Вот и проверим его смелость!

— Через четыре дня ты пройдешь ритуал посвящения в короли. Древний ритуал, собор семи солнц, — пакостливо добавила в конце, будучи уверена в том, что глава фальшивый. Не мог настоящий Калистр так легко вернуться в дом и забыть обо всем.

— Вот и хорошо. Вот и отлично, — на прощание, мужчина погладил мою щеку и скрылся в доме.

Мне предстоит вновь изображать трудяжку. Скоро я так совсем прачкой стану и от скуки помру.

Четыре дня в гареме слышны шепотки. Слух пополз по изящным коридорам, извилистым переходам и чистым дорожкам.

"Глава Гнезда вовсе не тот, кем кажется. Фальшивый прародитель должен будет повторить ритуал принятия власти. Но отчего-то королева запрещает входить в храм. Видимо, Калистр — новый любовник одинокой драконницы".

Работая на прачке, я слушала шепотки, подливала масло в огонь редкими, но меткими высказываниями:

— Не дракон он вовсе, — по-старушечьи медленно, с ленцой растягивая слова. — Видела, как королева на нем ползает, а он не шелохнется, будто мертвый. Вот и не пускают его в храм: заклятие спадет под взглядом божьим, — доверительно сообщаю товаркам.

Замечание там, пару слов здесь и вот гарем гудит, как встревоженный рой пчел. Не смогут высокородные лиеры уши каждому заткнуть, да губы заклеить. За сутки шепотки обросли подробностями, коих никогда в помине не было. Начали поговаривать, что даже нынешний правитель не бывал ни разу в храме семи солнц. Нефритовая леди ритуал другой на коронацию назначила, поэтому проклинали древние боги род драконов: детишек нет. Суматоха среди прислуги поднялась.

А что говорят слуги, то за дворцом правдой считают.

Не стерпела нефритовая леди, решила без одобрения королевы храм открыть. Секрет из этого сделать пыталась. Но пока строение отмывали от пыли и паутины, каждая уборщица смогла понять, зачем все делается.

— Тебя все-таки пустят в храм, — ночью сию напротив своего врага и играю в местный аналог шахмат.

Здесь не короля надо защищать, а успеть построить замок, пока воины бьются на поле. Фигурки — башенки хорошо прикрывают красный угол, но нападающие не дремлют. Несколько точных ходов и я сию у разрушенной стены.

Мужчина лукаво посматривает на меня. Его руки летают над полем, а ум просчитывает все на ход вперед.

— Меня предупредили, что королева знает об открытии храма ради проверки. — меняемся фигурками и начинаем игру заново. — Она может убийц подослать, чтобы избавиться от мешающего винтика в настроенном механизме.

— Чем ты мешаешь? — оглядела скромные покои. — Сидишь в четырех стенах, ничего не делаешь, жизнью наслаждаешься.

— День назад пришел на собрание. — фигурка воина наступает. — Говорили о развитии культуры. Предложил наладить связь с Парханом, позволив ар'ханам учиться в наших учебных заведениях. — защищаюсь, пожертвовав рыцаря. — Не хотят. Им не нравится идея. — глава рыцаря не тронул, но ход оценил. — Захвативших их магов, поощряют,

а "зеленокожих" бояться. Очень умные заседатели. Спросил их о древней истории...

— А они спросили про современную, — понятливо усмехнулась. — Я бы тоже желала заткнуть такую крикливую выскочку, как ты. — мои войска опять разбрелись по всему полю, оставив башню без защиты.

Проигрываю.

— Я пытаюсь найти ниточки торговли с разными странами, но слышу "автономия". С намеком на то, что Дарии вообще никто не нужен, — войска дракона собраны, сгруппированы, идут в наступление. — Они не слышали ни о ком кроме ар'ханов.

— Песочных шегаров они точно не знают. Какая великая страна была. У них очень вкусный сок подавали.

Ненароком вспомнила, что помимо двух рас, о которых часто слышу в последнее время, есть еще целый мир с другими народами, традициями, устоями. Если бы родилась в этом столетии, то песочных шегаров никогда бы не видела.

— Говорят, что великие земли настигла беда, поэтому от Дарии пожелали отселиться. — опять проигрываю. — Но мне казалось, что чем меньше соседей, тем лучше. Правь себе одной страной, не оглядываясь на соседей.

— Потому драконов и потеснили маги. Людей тоже никто не замечал и считал маловажным фактором существования.

Молчим. Я думаю, как сдаться, чтобы совсем глупой не показаться, а у Калистра загадочная полуулыбка бродит на

губах.

— Это задача правителя смотреть на несколько шагов вперед. — с моей стороны убрали башенку и убили трех рыцарей. — Народ подчиняется, ведомые твердой рукой и холодным разумом.

Все закончилось. Моих людей больше не убивали, не трогали развалины стены, не выгоняли с игрового поля.

Перед моим носом появилась огромная рука, которая предлагала мир. Рукопожатие станет нашим мирным договором. Стоит только подать ладонь и избиение остатков армии прекратиться.

— Может тебе показать свой талант воеводы? — протянула ладонь. — Твои "древние" знакомые забыли о силе главы Гнезда.

Горячая кожа мужчины слегка шершавая. Твердые мозоли и приятная нежность. Не надолго, но я почувствовала безопасность. Совсем чуть-чуть, но доверилась.

— Так как из тебя стратег никакой, хочу предупредить, — глава подтянул меня к себе. — Когда пройду храм, королева захочет найти и наказать тех, кто додумался до возобновления древнего ритуала. Нефритовую леди могут изгнать из семьи, а старушку, которая навела сплетни и в открытую называла Главу лжецом, не пожалеют. Может дойти до смертной казни.

— Если я умру, принесет ли тот, кто все это затеял цветочки на мою могилку? — вытащила руку и отошла прочь.

Снова смерть по вине высокородного дракона. В этот раз мне не страшно. Все мои эмоции хранит живой огонь. За собственное тело тоже переживать не надо – оно бессмертное.

Обидно стать разменной монетой в интригах высокородных. Борьба за власть постоянно трогает ничем не повинных людей.

— Надеюсь, после смерти ты дашь мне выходной, — потребовала время для поиска ребенка.

— Только после смерти, — пообещал мужчина.

Последняя ночь перед походом в храм прошла. Пора было собираться. Предвкушение долгожданного ритуала делало мое тело чуть теплее обычного. Столько жертв и трудов мне стоило, чтобы подговорить Аран на его воплощение. Все ради одного момента славы Главы Гнезда.

Все служанки знали, что в храме будет торжество. Тоненькие струйки работниц гарема тянулись к восточным стенам. Именно там возвышалось древнее строение. Никаких убийц здесь не было. Поджидали лишь любопытные девицы. В скором времени появились самые важные действующие лица: нефритовая леди и восставший из мертвых глава.

На слуг их великолепные лица не смотрели. Видимо, предпочли не замечать ажиотажа возле своих персон.

До входа в храм никто никому не кланялся, показывая, что они равны друг перед другом. Оба в обычной одежде, которая не должна говорить о значимости проводимого дей-

ствия. Только Калистр стоял в недлинном кафтане, прикрывающем белую рубашку. Нефритовая леди кланяется четырем сторонам света и выпускает предполагаемого "наследника" внутрь.

Рассвет только раскрашивает небо и разгоняет ночную мглу. До полного восхода солнца глава обязан пройти все испытания и выйти на балкон храма, чтобы поприветствовать своих подданных.

Как я знаю, внутри все обустроено по типу лабиринта. Там можно попасть даже на этажи ниже уровня земли. На каждой двери начертано задание, которое может увидеть лишь носитель сильной крови дракона. Ответы написаны на проходах. Выбирая, куда идти, предполагаемый наследник выбирает путь страны, в которой собирается править. Если путь правильный, то идешь вверх, к процветанию. Нет – спускаешься ниже уровня земли, откуда потом можешь выйти лишь с сопровождением.

Важно увидеть древние задания и ответы. Даже выучив все повороты и правильное направление, ты можешь заплутать. Потому что храм — это один огромный артефакт, который любит менять местами начертанные символы и направления.

Долгие минуты ожидания. Что же предречет судьба вернувшемуся из мертвых королю?

Солнце уже почти встало, озаряя пустой балкон. Ожидание затягивалось.

Не успеет.

"Солнце, прошу, не торопись. Дай минутку".

Присела на скрипучие колени и стала рисовать древние знаки привлечения удачи на дороге. Калистр все сможет преодолеть, ему нужно лишь немного везения.

Солнце оторвалось от горизонта, как птица феникс от своей матери. Дверь храма отварились. На пороге появилась величественная фигура Главы Гнезда. Он возвышался над небольшой толпой служанок, смотрел в глаза нефритовой леди Арон, будто кричал, что он единственный законный наследник трона.

Я чувствовала аромат крови от его рук. Наверняка внутри его задержали наемники королевы. Но мужчина успел. Правда, испачкал в крови камзол и теперь стоял в белой рубашке.

— Именем короля Ротора, всем оставаться на местах! — раздалось со всех сторон.

Стайку служанок, Арон и Калистра стремительно окружали воины короля. Перепуганные девушки, словно воробышки, запищали и вжались друг в друга. На негнущихся коленях подошла к девчушкам. Из старого поколения слуг здесь была лишь я одна. Остальные совсем молоденькие, невинные, непонимающие.

— Королевский приказ о закрытии храма был нарушен этим утром! Всех причастных ожидает наказание! — выкрикивал глава охранной службы.

— Ваш приказ касается меня? — невозмутимый вид Ка-

листра навел меня на опасную мысль.

— Лиер Калистр, — из-за спины главы охраны выплыла величественная фигура королевы, — как только мы найдем виновника подлых слухов о вас, мы отпустим всех невинных. Ради защиты чести вашего имени нами применяются строгие меры. Мы же не хотим назвать прародителя великой империи лжецом и слабаком.

— Прошу прощения, королева! — упала на колени перед сиятельной госпожой. — Это все моя вина! Бес попутал! Не разглядела в высокородном господине кровь могучую. Лжецом и чужеземцем считала, бессовестным! Прошу простить и быть снисходительной.

Трудно спину гнуть, но надо. Не хочу невинных дев под плаху подставлять. Мне ничего не будет. Тело мое эфемерно, облик — морок, бессмертны кости и прах, что их хранит.

— Арестовать всех! — громкий приказ королевы.

— Старая служанка признала вину, — тут же ответил Калистр.

— А мы всех допросим, чтобы быть уверенными в сказанном, — злобно сверкнула взглядом Амалата.

Схваченный люд недовольно кричал, жаловался, молил. Но кому плакаться? Вышколенным военным, которые не позволяют стайке "рыбок" уплыть? Или дознавателю, который восседает на деревянном стуле? Жаловаться можно своему любопытству. Никто служанок не созывал, листовок не бросал, метелкой в кучку не сметал.

— Нечего слезы лить попусту, — собственный каркающий голос испугал даже меня. — Кто вас, любопытных лис к храму приглашал? Ясно же было, что не к добру каша варится.

— А вам не страшно, бабушка? — девица лет девятнадцати, со слезами на глазах смотрела на меня.

— Страшно? — надо соответствовать образу эмоционального человека. Без своего живого огня я похожа на робота. — Страшно, деточка. Но я свое отжила, а вы только серые перышки на радужный окрас поменяли. К замужеству готовитесь.

— Заткнулись! — гроыхнул дознаватель по столу.

Разорвал чувство единения между девчушками, нагнал страх, еще и зыркнул не по-доброму. Каждую из нас опрашивать продолжил.

— Имя?! Род?! Характер работы?! От кого слышала про фальшивого короля?! Следующая!

Испуганную девушку тут же хватала лапа охранника и как тряпичную куклу, запихивала в небольшую клетку.

Сделанная из каленого железа с блеском зачарованных частиц решетка не сгорит и не рассыпется от магии. Невысокая, туда только в три погибели согнувшись можно пролезть.

Моя очередь быстро подошла.

— Иола, рода своего не помню уж, — стараюсь найти возможность дознавателю в душу заглянуть, но мрачен и зол человек.

В рань раннюю его подняли и рысью к храму погнали. Не ведущий, а ведомый передо мной. Приказ якобы от королевы был, но судя по воспоминаниям, которые во взгляде мужика читаю, Амалата сама была разбужена не раньше собранных военных.

Кто-то помогает королеве править, на умные мысли наставляет.

— Я эти слухи рассыпала, как горох перед свиньями. Думала, что чужой человек смог к королеве подобраться. Уберечь родимую хотела.

— Пшла, вон! — гроыхнул дознаватель, в тесную клетушку провожая.

Не нравится мне то, что вокруг творится. Хаос, плач и чужой страх воспоминания будят. Мне бы отрешиться, план Калистра выполнить и получить свободу на краткий миг. Дитя попытаться найти, проверить хорошо ли с ней обращаются, в добрые ли руки кроха попала.

— Интересно, а умирать больно, — прошептала красавица, прижавшаяся ко мне с одной стороны.

— Наверное, — шепнула со второго плеча, и на меня две пары глаз посмотрели. С надеждой и скрытой мольбой.

Не могу терпеть такой взгляд. Всегда душой слаба была. Жалеть умела, потому и отдала свое сердце живому огню, чтобы не иметь более никаких эмоций. Но даже сейчас ощущаю, как тепло в груди поднимается.

— Больно умирать, — взяла руку девушки, —... страшно. — другую девчущку приобняла. — Расставаться с тем, что тебе дорого и любо. Знать, что более не сможешь ни на что повлиять. После смерти лишь холод, мрак и бессилие.

Картинки того, как я ожидаю любимого человека в нашем с ним доме, вспыхнули ярче обычного. В тот день мужчина обещал забрать нас с малышом к себе. Впервые отправить в Дарию как свою невесту. Счастье и радость переполняют мою голову. Хочется петь, танцевать и кружить вместе с Ним.

Но пришел не мой любимый, а лишь его друзья. Нагло в дом вошли, на сумки не посмотрели, меня за собой потянули. Надо было обратить внимание на их поведение. Попытаться уйти, спрятаться. Но я думала о предательстве.

После сказанного драконами, я ведь слезы едва сдерживала. Боль в груди ощущала. Не могла поверить, что у любимого есть жена и ребенок, а лишь любовница. Нет, другое название мне дали, наложница.

Идти в дом, где хозяйкой буду не я, а женщина, которая будет ненавидеть моих детей, не хотелось.

И не пришлось... Меня убили...

В наивном любящем сердце до последнего теплилась надежда на то, что о случившемся не знает Он. Что это не милый подослал ко мне убийц, а его благоверная. Хотела верить, что когда я умру, Дракон почувствует разрыв связи и бросится меня спасать. Найдет яйцо и вырастит нашего малыша. Но за столько лет ничего подобного не случилось.

Видимо, не нужна была высокородному ящеру жительница Пархана, а ее дитя тем более. Забыл меня, как только из поля зрения пропала. Нашел другую и праздновал.

Ненавижу высокородных драконов. Ненавижу их заговоры и планы великие.

Сейчас тоже, всего лишь винтик в истории с храмом. Калистр меня использовал.

Наглый, жестокий, безжалостный, чтоб он крыльев лишился!

Жар в груди вспыхнул, мое лицо пламенем опалило. В тишине ночной, яркий лучик встрепенулся, разгоняя мрак.

Нельзя, нельзя, нельзя... Надо живой огонь успокоить, в клетку — камин отправить лепесток чувств. Ненависть обжигает душу, не дает разуму трезво оценивать обстановку, глаза яростью застилают.

Нет, сейчас я должна быть спокойной. План ненавистного мне дракона должен исполниться. Я должна позволить себя

убить.

— Лиер Калистр, — встрепенулся уснувшая охрана.

— Приказ, — резко, дерзко, без права на сомнения. — Признавшую вину служанку оставить под арестом, остальных — отпустить!

Хмм, дракончик решил показать силу? Как же королева свою собачку отпустила?

— Но... Вдовствующая Королева...

Правильно думает сторож. Нельзя страной править сразу несколькими королям. Один управленец должен руководить, чтобы империя не развалилась.

— Приказ подписан Ротоком, — сверкнул глазами Калистр. — Хочешь отказать Императору?

Сила голоса неприятной тяжестью легла на плечи человека. Мощь в крови дракона дала о себе знать, заставляя подчиниться. Всего пара секунд и жмущихся ко мне девиц бьют, выпускают. Девушки на негнущихся ногах покидают место заключения. Кто-то плачет, другие в ноги Калистру падают, а я... Смотрю в темный омут глаз.

Калист просит прочесть свою душу, и я с легкостью ныряю туда, где мужчина разговаривает с Амалатой, но та его "не слышит". Она жаждет наказать тех, кто проигнорировал запрет на вход в храм. Ведь она понимала, что древнему ритуалу, артефакту королей, поверят больше чем обычному полету в небе. Многие могут усомниться в назначении Ротока, начнутся более значимые пересуды, шепотки, слухи.

Амалата желала наказать Аран — леди нефритового двора, но Калистр вмешался, напомнив, что девушку уже три года не навещал муж, поэтому она может уйти в любой момент. Аран, умная девочка, в этот же момент воспользовалась своим правом и покинула стены гарема, прямо перед носом королевы. Более не властна женщина над судьбой жрицы.

Опережая месть и злобу бывшей супружницы, Калистр пришел к Императору. Говорить начал о том, что слуг жестоко хотят покарать за слухи, которые оказались пустыми. Вечером Роток был без присмотра матери и своих советников, поэтому легко подписал приказ о роспуске провинившихся слуг.

Пока королева придумывала наказание для каждой девушки, ее муж освобождал клетки.

— Неприлично долго в глаза смотришь, женщина, — тихо произнес Калистр, разрывая зрительный контакт.

— На красивого мужчину в моем возрасте, только смотреть можно, — усмехнулась, вытягивая ноги в опустевшей клетке. — Долго вы место для меня освобождали. Хоть посплю нормально.

— На каждое дело время нужно, — ответил мужчина. — Не страшно ждать наказания, старая?

— Если скажу, что боюсь, что-то измениться? — улыбнулась, укладывая руки под голову и закрывая глаза. — Утро вечера мудренее.

Послышался скрип и на меня лег тяжелый плащ, пропах-

ший женщиной. Удивленно подняла голову.

— Меня учили уважать старость, — на немой вопрос собравшихся охранников ответил бывший правитель. — Не будет в мире лада, если мы своих родителей, предков бить станем.

Незаметно, быстро, как лавина в отдельном участке гарема стало на секунду теплее, светлее, уютнее. Уважением пахнуло со стороны людей, головы к бывшему правителю повернули. Удивились его человеческому отношению к тому, кто его помоями обливал.

Улыбнулась, укутываясь в мужской плащ, ощутила тепло человеческое, телом холодным. Не заметила, как в душе яркий огонек эмоций вспыхнул, но не светом и жаром обдал, а сладким теплом по груди разлился.

Калистр

"Папа! Папочка!"

Детский голос звоночком раздается в тяжелом месиве из эмоций боли, холода и утраты. Мысли ворочаются медленно, без особой осознанности происходящего.

"Папа! Папа!"

Вспышки осознанности приходят временами, накатывают как волны на песчаный берег моря.

"Папа, мы с мамой тебя ждем..."

Взрыв ярких фейерверков вливается в кожу головы, словно шпага наставника. Бьет по ушам, по чувствам озверевшего животного, по сознанию. Хочется тряхнуть головой, прогнать бесполезные слова и отдаться темноте безумия.

Хочется, но...

Тени перед взором рассеиваются. Животное, хранящее мой покой, отступает нехотя, с ленцой, устало. Сотни лет дракон, живущий в душе, охранял мой покой. Оно вымотано, питалось силой моей души, но и ее осталось мало. Еще сотню лет в образе зверя не протяну. Истощен.

Чужая магия, такая же древняя, как и сам мир, оплетает моего зверя и утягивает в бесконечный хаос. Заклинание сдерживания уносит последние силы.

Меня хотят убить? И у них это получается.

Надо открыть глаза, встать, разогнать недругов.

Хмм, маленькая драконова. Бегает, пищит, зовет.

"Папа!"

Внезапно прорвалось в мое сознание.

Красная малышка-драконника замерла возле носа. Аромат родного тела заполнил мое больное сознание. Там, где был мрак и боль от разрыва связи истинности, теперь прорастал новый "цветок". Запах своего ребенка, родной крови окутывал все мысли, которые до этого были покрыты холодом и мраком.

С надеждой тянусь к крошке, притрагиваюсь к теплу малышки грязными руками.

Оборот из дракона в человека вышел внезапным, быстрым. Даже я не заметил, как зверь свернул крылья и спрятался в глубине души. Передо мной был лишь ребенок. На периферии не своим голосом кричала женщина. Но не это было главным...

— Сладкий сон? — отчаянно, надсадно, непослушным горлом пытаюсь говорить с маленькой.

"Папа... Мама..."

— Мама... Она больше не дышит... — мне больно говорить такое и одновременно обнимать собственного ребенка. — Не думал, что твоя мама принесет себя в...

"... Жертву, ради дитя. Она всегда казалась такой хрупкой, слабой, невинной".

Боль утраты вновь полоснула по сердцу, натягивая обо-

рванные нити связи. Дышать стало больно, в груди холодом жжет.

— Мама, — маленькие ручки ухватились за длинную бороду, и пару раз дернули, отрезвляя мысли.

Борода?

Сколько же я проспал? Сто лет? А кто меня разбудил?

Счастье видеть собственное дитя, не заметил, кто меня разбудил. Спать столетия в образе дракона легко, а вспоминать лицо друга, который легко может стать врагом — трудно.

Ар'хан Урд'ах Ата король Пархана. Один из первых жрецов Природы, глас старых богов сидит, опершись на стену ущелья, а на его груди рыдает женщина. Она что-то говорит, но я ее опять не слышу. Все мое внимание приковано к старому товарищу. Заклятие связывающее души забирает последние силы названного брата.

Протягиваю руку и останавливаю злосчастный эффект наших отношений. Кое-как встаю. Смотрю, как девушка говорит что-то Урду, а потом... Звонкая пощечина. Я аж, прозрел от такой наглости.

Неожиданно спокойно отреагировал друг, а я, наконец, вернул слух.

— Лучше бы ты не просыпался! — налетела на меня эта фурия.

Это кто такая и почему...

Тяжелый, недобрый взгляд ар'хана предупреждает не тро-

гать его женщину.

Принюхиваюсь. Ооо, да у сумасшедшей и друга скоро пополнение будет.

— Сколько я спал? — прочищаю горло и всматриваюсь в далекое небо.

Огромная каменная яма. Выход — далеко над головой.

— Интересно, и кто вас отсюда вытаскивать будет? — философский вопрос слетел с женских губ.

Забавная дама. Бесстрашная, энергичная, хамоватая и живая. Беспокоится обо всех и сразу. Ругается, но правильно расставляет приоритеты, всех скомпоновала, распределила, вынесла из ущелья. Подлечила мужа. Урд млеет от ее беготни и суеты, а меня такая энергия едва с ног не сносит.

Спал я долго. Под магическим сном забывал о боли. Теперь проснулся, но зачем?

Дочь позвала. Ей нужен настоящий родитель. Девочка уже своей властью над драконами пользуется. Подчинила себе Оливию — жену друга. Мое внушение на дракона женщины не действует. Дочь не дает трогать "любимые игрушки".

А что у меня есть? Что я могу дать дочери?

Когда-то я мог отдать целую страну, но сегодня у меня даже собственное имя забрали. Надо вернуть то, что принадлежит истинному Главе Гнезда.

Уверен, о моем пробуждении уже всем заинтересованным лицам известно. Не мог я просто так проснуться и пойти заниматься делами мировой важности. Поэтому надо уходить

из Пархана, чтобы своему другу новую беду не привести. Бывшая жена не позволит мне просто так бродить по свету. Ведь она усвоила урок: чем ближе враг, тем дольше он останется другом. Я чувствую, ее дракон жив.

Скажусь, вспоминая, как потерял бдительность и позволил себя опоить. Я многое спускал с рук жене, которую мне подсунули в качестве поддержки власти. Жить одному очень трудно с Амалатой стало веселее. Она всегда совала нос, куда не стоит, поэтому мне было интересно обламывать все ее планы и прижимать к ногтю зарвавшуюся крысу.

Не помню, когда началась смута по поводу отсутствия у меня детей. Прошёл слух, что я не то что потомства не смогу дать, защиты от недо-мужика не дождешься. Евнух, недееспособный... Все по стандартам интриги. Но я не мог контролировать недовольство народа, потому что уже тогда меня окружали маги, а драконы вырождались.

Роток стал решением проблемы. Не знаю, откуда жена достала ребенка дракона, но благодаря ему в народе иссякло желание буйствовать. Мне стало скучно, и я отправился в Пархан, где впервые увидел Юлию.

Мой дракон сразу понял, что она моя Истинная, но мне стало интересно, как дитя ар'хана и мага смог обрести вторую суть. Юлия была большой загадкой. Очень интригующей, интересной, осторожной, уважительной. Смотря на нее, я видел мать своих детей. Не мог сдерживать себя и свои желания. Узнав о беременности любимой, захотел освободить

для нее место в Дарии. Но Амалата не хотела уходить, тем более убирать Ротока.

— Твой сын представлен народу. Его восхождения ожидают все партнеры короны. А эта Истинная... Кто она вообще такая?

— Ты всегда была умной женщиной, поэтому я хотел расстаться с тобой по-хорошему. Но если ты не хочешь, то давай я объявлю тебя изменщицей, ведь ты "родила" Ротока, а я тебя даже пальцем не тронул. В парне нет моей крови, и это подтвердит любой артефакт.

Женщина побледнела.

— Постой, дай мне подумать. Надо ведь решить, куда я с ребенком должна уйти. Я не хочу тебе мешать. Раз ты обрел счастье, значит, заслужил и небо дало свое благословение.

А потом... Гнев... Боль... Рвущаяся связь с Истинной... Безумие, накрывшее меня с головой. Урд'ах усыпивший рас- свирепевшего, сошедшего с ума дракона — Главу Гнезда.

Через много лет я смог открыть глаза ребенку, которого оставила Юлия.

— Юлия, ты все еще освещаешь мой путь, — шепчу, вспоминая любимую.

Поэтому я хочу все исправить. Хотя бы своей дочери подарить то, что ей принадлежит. Раньше я был наивным и считал, что раз у меня есть сила и я самый опасный зверь в лесу интриг, то меня все беспрекословно начнут слушать. Но на деле все оказалось совсем не так. Подлые стайки шакалов,

живущих в этом лесу, объединились и решили играть против меня. Поэтому я искал ту, о ком говорила вся Дария. Но больше всего ее хвалила Клариса — мать наглой иномирянки Оливии.

— У меня с мужем не было детей и быть не могло. Семь выкидышей за пятьдесят лет. Я уже с ума сходила, ребеночка хотела. Богов молила. Но Кристоф ведь не мой истинный и даже не дракон, поэтому... Однажды ночью мы возвращались из путешествия по древним капищам. Я увидела огонь, который сиял так, будто звал кого-то. Подошла, а там старушка сидит, на камин смотрит.

— Что, — говорит, — совсем туго стало, что ты про древних богов вспомнила? Ведь их имен уже несколько столетий не произносят, а ты... Древнюю силу пробудить пытаешься.

— Простите, но... — положила руку на свой живот и заплакала. — Недавно седьмого малыша потеряла.

Упала на колени, заплакала, не смогла сдержать боли, которая в сердце копилась. Старушка резво подскочила, огонь ярко вспыхнул, и передо мной уже не пожилая женщина, а девушка стоит. Руками меня обнимает и нежным, певчим голосом шепчет:

— Хоть тело мое мертво, но я знаю как тяжело быть родителем. Сможешь ли ты нести эту ношу?

— Смогу!

— Даже если с твоим ребёнком будет что-то не так?

— Смогу!

— Я дам тебе шанс. Всего один. — девушка достала сине перо из своего плаща и вложила в руку Кларисы. — У тебя будет всего час на зачатие. Вовремя, когда старые боги отворачиваются, а другие миры смотрят через глаз — луну, ты должна прийти к суженному. На твоём теле должно быть это перо.

Красивая история появления Оливии. Но мне нужен был не ребенок, а та, кто законы этого мира знает. Если знает, то видит как их обойти и использовать себе во благо.

Я шел к женщине, которая должна соответствовать своей работе. Тихая, богобоязненная жрица с кучей артефактов на одежде, но встретил старушку в доме утех.

Наверное, в этом столетии мне суждено удивляться женским образам.

Как только увидел, почувствовал легкий аромат мокрой земли и снега. Но отчего-то я впервые ощутил тепло там, где осталось мертвое место от разрыва связи Истинности.

Рядом с Ионой, я ощутил себя прежним главой Гнезда. Сильным, невозмутимым, нужным. Она смотрела и видела во мне прежнего императора, способного поднять империю, а я чувствовал ее холод и робкое тепло. Мне было приятно найти человека, который дарит свои эмоции полностью, без остатка.

Амалата смотрит на меня, как на препятствие, а Иола, как на короля.

Теперь я чувствую, что женщины могут дать силу и опу-

ститъ во мракъ однимъ своимъ присутствіемъ.

Рассветъ пришелъ на землю, а я весь вечеръ думалъ надъ своимъ жестокимъ планомъ.

Мнѣ нужно было воспользоваться тѣмъ же оружіемъ, что и Амалата. Поэтому я породилъ слухи о самомъ себѣ и самъ же прекратилъ ихъ, войдя въ храмъ. Артефактъ меня призналъ, хотя супружница и попыталась остановить меня. Королева запустила туда убійцу, но я быстро со всеми справился. Все было продумано съ самаго перваго дня моего прибытія въ замокъ, но...

Старушка въ моемъ плащѣ лежитъ въ клеткѣ и ожидаетъ участи предательницы короны. Она ведь специально не сдерживалась въ высказываніяхъ, чтобы поторопить событія. Давала все новыя и новыя поводы къ слухамъ и пересудамъ, затапливая собственное имя, репутацію.

Ее убьютъ. Казнятъ. Я знаю законъ. Слово противъ короля карается смертію.

Но почему я не могу уснуть, когда самъ же все подстроилъ и выбралъ Іюлу изъ-за бессмертія. Жрица не пострадаетъ. Ей ничего не будетъ. Она призракъ...

Вспомнилъ взглядъ бабушки: она многое пережила, ее мало что интересуетъ. Какая-то смерть ради того, чтобы отойти отъ столба, не пугаетъ.

— Развѣ можно такъ равнодушно относиться къ собственной жизни? — прикрылъ глаза, вспомнивъ отрешенный обликъ молодой особы, сидящей въ моей комнатѣ. — Неужели у тебя

нет ничего, что держит твою душу? — безразличие в глубине холодных глаз. — Призраки, просто так не бродят по миру. У них есть цель. Иола, что тебя держит? — усталость на прекрасном молодом лице. Сомкнутые женские губы. Жрица говорит, будто нехотя. — Нечто мощное, раз ты старше Кларисы.

Утро вынесения вердикта наступило. Надо сходить и посмотреть на агонию и без того мертвой души.

Надо...

Камера стала моей кроватью, плащ Калистра — одеялом, небо — потолком. Моему телу не нужны блага цивилизации, холод не ощущаю, голод чужд. Но утром старческие суставы скрипят и плохо разгибаются. Нужно время, чтобы присесть или разогнуться. Трудно, но я все же встала. Возле моей кле-тушки стояла тарелка с парой яиц и куском хлеба с сыром. Сторожевые старательно делали вид, будто ничего не видят, не знают о появлении продуктов.

Кто-то старался, собирал, нес... Надо хотя бы попопро-бовать. Много беззубым ртом не прожует, но хотя бы посма-кую сыр.

Медленно проникают солнечные лучи за высокие стены замка. Неспешно рассасываю свой завтрак. Давно я не чув-ствовала вкуса еды. Никто не угощал меня уже пару деся-тилетий. Станный привкус. Хмм, туда кто-то обезболиваю-щего насыпал?

Зачем мертвому телу отключать рецепторы? Меня ведь казнят: раз и все.

От внезапного осознания подавилась, а потом засмеялась. Не думала, что мое положение может кого-то разжалобить. Но то, о чем я подумала...

— Служанка Иола обвиняется в преступлении против Его Сиятельства!

Мой завтрак подошел к концу. Надо бы ноги размять, а то до виселицы не дойду.

— За свои деяния она будет наказана сотней плетей, а после чего сожжена на главной площади в назидание народу. Сквернословить против прародителей драконов запрещено. Все виды проявления недовольства — должны быть упразднены и караться.

Стоп! Плети? Это кто придумал?

— Постойте, но вчера говорили о казне. — не знаю, как мое тело восстановилось бы после смерти, но боль я всегда чувствовала. Будь то боль от мозоли на пятке, от удара мизинцем или еще по какой причине.

— Ты слишком спокойно восприняла новость о смерти, старая, — передо мной появилась Амалата.

— Богиня снизошла до карги? Неужели сегодня мир перевернется? — не удержалась от колкости.

— Вот опять ты слишком легко и спокойно смотришь мне в глаза. Если остальных распустили, это еще не означает, что мое слово в этой семье ничего не весит. За всех провинившихся Ты ответишь сполна.

— Все женщины в гареме словно птички в клетке, а вы больше на обезьяну похожи.

— Ты будешь страдать. — пообещала красавица.

Я прикусила язык. Никогда не могла заставить себя смолчать. Во мне слишком много язвительности, чтобы притворяться немой. Несмотря на годы, прожитые в образе призра-

ка, я все еще не отошла от боли, которую мне причинили драконы.

— Как-нибудь стерплю, — сжала кулачки, старательно пряча нервозность за показной смелостью. — Один раз смогла ведь... Все ради того, чтобы найти мою крошку. Пока не поздно.

Тронула серьги и грустно улыбнулась. Мой ребеночек может ведь вырасти быстрее, чем я найду его. Не хочу смотреть, как малыш умирает, когда я его еще за ручки не держала.

— Все стерплю. Даже плетку.

Но... Мне страшно.

Наверное, это неправильно ощущать страх, когда тебе много лет. По своей сути я дряхлая старушка, такая же как нынешний облик: разговариваю со скрипом, с трудом желаю двигаться куда-то, не могу прогнуться.

За решеткой мир менялся.

Шустрые слуги расставляли стулья для королевы и ее свиты. Под открытым небом ставили стол для наказания.

Наблюдение за этим действием делало только хуже. И без того холодное тело ощутило озноб. Мои пальцы задрожали, пришлось сцепить их в замок и сжать.

— Почему ты помогаешь Калистру, старая? — королеве нечего было делать.

Женщина стояла в стороне, пока закончатся приготовления. Статная, красивая для своих лет. Знает себе цену.

— Как я ему помогала, госпожа? Лиера я считала фаль-

шивкой, вашей игрушкой не более того.

— Аран сказала, что разговаривала с тобой, — победно и надменно произнесла Амалата.

— Я вас поправлю, не Аран сказала, а слуги. Жрица ушла так и, не раскрыв рта. — преднамеренно ее бешу. Надеюсь, что она вспылит и просто отрубит мне голову, а не будет устраивать представление с поркой.

— Неважно как я узнала, — невозмутимо произнесла мать императора. — Главное, что это было так, как я сказала.

Невозмутимая. Недаром живет на этом свете побольше моего. И как мне с ней справиться? Языком продолжить молоть?

— Меня приглашали в нефритовый дворец, но лишь для того, чтобы убедить, что Калистр настоящий. Аран хотела заткнуть мне рот, но я, старая, не поверила. Признание древней королевской крови храмом семи солнц выглядело как оправдание. Сейчас все хорошо. Ваш муж - это действительно ваш муж.

— Я и без подтверждения это знала, — немного раздраженно дернула плечиком статная красавица.

— Интересно, почему Роток не проходил храм семи солнц? Может... Он фальшивка.

Мой взгляд хищно сверкнул. Не смогла удержаться от шпильки. Я ведь по ее воле должна пройти через наказание. Поэтому желаю хоть немного отыгаться на чувствах женщины.

— Ты делаешь только хуже, старая, — зарычала королева.

— Мое тело не выдержит сотни ударов. Возможно, я умру от первой десятки, оставив твою казнь без великолепного представления. Хуже смерти ничего нет. Но меня терзает любопытство, Роток действительно ребенок правителя или ты раздвинула ноги перед другим мужчиной?

Амалата рыкнула что-то нечленораздельное и отправилась на свой великий трон.

Грубо, невежественно схватили мое тело и потащили к столбу с цепями.

Страшно.

Кисти вытянули настолько сильно, что пришлось встать на носочки.

Мы о таком с Калистром не договаривались. Хитрый жук должен был знать, что его психичка — королева способна учудить.

Рванули ткань моего застиранного платья, оголяя спину. Я чувствовала холод голым телом, сжимала кулаки, крепилась.

— Старая! — властный голос Амалаты.

Поднимаю голову, и именно в этот момент первый удар опалает спину. Не пикнула. Смотрю в глаза королеве, наполняюсь гневом, но молчу. Вижу предвкушение в глазах царицы. Она хочет насладиться песнью моих мук.

Нельзя позволить губам разомкнуться. Нельзя дать ощущение победы над собой.

Удар. Вжимаюсь в бревно. Свист плети. По спине потекла кровь. Чувствую тупую боль, будто из-за границы сознания. Наверное, не я чувствую ее, а моя душа.

Потерпеть. Надо совсем немного потерпеть, и тогда я отправлюсь на поиски ребенка. Это моя плата за свободу.

—... Пять! — слышу счет ударов.

Пять? Всего лишь пять? Не больше?

Больно... Больно. Больно!

Сцеживаю зубы, но мой стон прорывается сквозь губы. Слезинка полилась по лицу. Это не я плачу, а искры летят в разные стороны. Безвольной куклой повисла на цепях. Не могу больше оставаться сильной. В этом облике я слаба.

Не видела больше никого вокруг. Слышала лишь как свистит плеть. В какой-то момент и он стих. Разум ушел плутать по задворкам воспоминаний.

Вот я сижу в автомобиле другого мира. Мама что-то весело напевает, а я обиделась на то, что мне баранки не купили.

Бац!

Я родилась в семье полу-ар'хана и полу-дракона. Родители души во мне не чаяли и растили так, чтобы я могла выбрать любое направление для реализации.

Я выбрала искусство чтения, благодаря которому меня вновь нашла смерть.

В этот раз, я хотя бы лицо своего обидчика вижу, а от прошлого раза остались лишь смутные образы. Королева Ама-лата, неужели вы думаете, что способны убить ту, которая

никак умереть не может?

Мое тело сняли с позорного бревна. Оно горит, стонет, смотрит невидящим взглядом в душу королевы.

— Амалата..., — удастся произнести и попробовать имя на вкус.

Слишком много лжи, поэтому даже она запуталась за столько лет и не видит правды. Ей надоело жить, но ее держит желание оставить потомство на троне. С возвращением Калистра эта возможность снизилась ровно наполовину.

— Отвезите ее на казнь! — слышу приказ королевы. — А то действительно сдохнет до того, как предстанет перед народом. Прав был Калистр, слишком слабая и никчемная, чтобы смотреть на нее, королевскому взору.

Казнь? Меня везут на казнь?

Наконец-то.

Разлепляю губы, и кажется, что я их все искусала. Вкус крови попадает на язык. Тело не шевелится. Каждая кочка, на которую натывается колесо телеги, отдается взрывом боли во всем теле. Едем мы небыстро... Или это мне, кажется, что все происходит слишком медленно.

Телега остановилась. Мы прибыли.

Мой взгляд утыкает в мужскую белую рубашку и темный взгляд.

— Ка... листр, сам ме... ня... ешь... — произношу и ощущаю горечь во рту.

Не хочу, чтобы он отдавал такой приказ. С ним было инте-

ресно общаться, если он махнет рукой, то я... Не смогу смотреть на него, как на человека. В моих глазах правитель станет монстром.

Калистр, ты меня убьешь?

Калистр

Очень трудно переубедить женщину в чем-то, если она это вбила себе в голову. В этом плане Амалата осталась стабильной.

— Ты уже распустил служанок, которых взяли возле храма.

— Не я, Роток подписал приказ, — напоминаю супруге.

— По твоей просьбе! — повысила голос Амалата.

— Тебе принципиально надо убить не меньше десяти людей в неделю? — не понимаю ее упертости.

— Эти люди сомневались в твоей природе. Разве это не обидно?

— Лично мне, нет. Я тоже не поверил, когда ты сказала, что являешься моей женой. Пришлось доказательства собирать. Знаешь ведь, что я ничего не помню.

Женщина вздернула свой то

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.